

История горного дела на Урале

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНИКИ П. К. СОБОЛЕВСКОГО¹

В. В. Филатов

«Весьма дружная семья преподавательского персонала» кафедры геофизики не распалась после отъезда ее создателя в Москву. Напротив, отсутствие идейного наставника и организатора сделало ее еще прочнее. Ученики поняли, что теперь они ответственны за то дело, которое создавали вместе с учителем. О том, чего достигли ученики Соболевского, дают полноценное представление результаты их работ за 1930–1933 годы, опубликованные в 1934 году в сборнике «За недра Урала». Эпиграфом к геофизической части сборника, в котором были и статьи геологов, прекрасно подходит заключительная фраза из работы И. К. Овчинникова (1904–1987) и П. И. Ливанова, по мнению которых, геофизика нужна *«чтобы... помочь геологам в их трудном деле... разведки полезных ископаемых»* (курсив В. Ф.).

В те годы наиболее широко для «помощи геологам» применялись магниторазведка и электроразведка. Поэтому большая часть статей, авторами которых были Н. А. Иванов (1910–1978), И. И. Бок (1898–1983), П. А. Кукин (1912–2001), В. С. Красулин (1901–1991), М. Н. Ступак, Д. С. Миков (1903–1985) и А. А. Сержант, была посвящена результатам применения этих методов для решения разнообразных геологических задач не только на Урале, но и в Северном Казахстане, в Западной Сибири и в Присалаирье: поискам месторождений бокситов в Режевском, Алапаевском, Синаро-Каменском и Надеждинском районах на Урале и в Сибири; картированию зон распространения никеленосных известняков в Режевском и Уфалейском районах (до уральцев такие исследования были выполнены лишь в Канаде на месторождении Сёдбери); поискам месторождений хромитов в Полтавском и Миасском районах; изучению россыпных и коренных месторождений платины на реке Ис и в районе горы Вересовый Бор; картированию оталькованных пород на Гумбейке и контактовой зоны между гранитами и известняками в Джетыгаринском районе в связи с поисками месторождений полиметаллов; обобщению и анализу результатов магнитных и электрических съемок.

Скромнее были представлены результаты исследований другими методами: М. Ф. Богатырёв, обобщив материалы гравиметрических измерений, качественно описал морфологию регионального гравитационного поля Урала и дал его геологическую интерпретацию, а А. А. Сержант показал эффективность впервые выполненных комплексных работ методами гравимантосейсморазведки на Егоршинском каменноугольном месторождении с целью обоснования выбора наилучшего места для шахтных полей.

К середине 30-х годов среди учеников Соболевского обозначилось два лидера: В. Н. Головцын (1905–1968) и А. А. Юньков (1902–1981). Судьба обоих необычна и в то же время типична для поколения людей – ровесников XX века. Их жизненные пути пересеклись в Костроме, где оба учились на рабфаке; оба закончили его в 1928 году, Головцын в мае, Юньков в середине июля. Головцын с отличными показателями получил направление на учебу в Московскую горную академию, но поехал учиться в Уральский политехнический институт. Юньков после окончания рабфака имел право поступать в любой технический вуз Российской Федерации без «поверочных испытаний», но выбор сделал, как и его однокурсник, тоже в пользу горного факультета УПИ. Была ли у них договоренность об этом, неизвестно. А вот выбор горной специальности был мотивированным, по крайней мере, для Головцына. Этот выбор, вспоминал он, «явился моим отве-

В. Н. Головцын

том на «Шахтинское дело», как это сделали и многие мои товарищи по рабфаку». Среди них, возможно, был и Юньков.

Апрель 1938 г. Цунами 37-го года почти отступило, забрав последние жертвы и обнажило «брег» жизни с уцелевшими после репрессий. Среди них был и Головцын – «передовик науки, борец за выполнение указаний тов. Сталина о передовой науке, доказавший на деле борьбу за передовую науку, что выражается в его громадной связи и помощи промышленности, а также его научная работа, выполненная в порядке конкурса молодых ученых, удостоенная первой областной и третьей Всесоюзной премии и премирована Свердловским обкомом ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ, получив самые лестные отзывы выдающихся ученых, страны. Эта его работа «Итоги применения электроразведки на сульфидных месторождениях Урала за 10 лет» полностью реализована Уральским отделением треста «Цветметразведка» и уже дала блестящие результаты: открыто шесть «железных» шляп и два месторождения сульфидов в Карабашском районе... Предложенная тов. Головцыным... методика проверялась на рудниках и строительных площадках Кизеловского каменноугольного месторождения, на строительстве соцгородка в Магнитогорске, на строительстве крекинг-завода в Уфе, при поисках вод в Челябинской области и в Надеждинске и везде получают прекрасные результаты».

Характеристика, при всей ее стилистической неказистости, красноречива и великолепна. Судьба, которой Головцын с детства помогал изо всех сил, порой на грани отчаяния, вынесла его со dna жизни, из беспросветной нужды и юдоли к советскому профессорству.

Он родился в год первой русской революции 20 июня в деревне Острецове Костромской губернии. Родного отца не знал. Мать Мария Петровна с детства была инвалидом, работала батрачкой, няней, собирала лекарственные травы, даже «учительствовала», обучая детишек грамоте в те времена, когда в Острецове не было школы. Сама она грамоту постигла будучи крепостной.

¹ Продолжаем цикл статей В. В. Филатова. См.: История геофизических исследований на Урале в XVIII – начале XIX в (№ 2 (42), 2016); П. К. Соболевский – основоположник Уральской геофизической школы (№ 4 (44), 2016); Геофизические исследования на Урале в 20-е–30-е годы XX века (№ 1 (45), 2017); Они были первыми или дороги, которые нас выбирают (№ 2 (46), 2017) и «Спонтанный поток материи» (№ 3 (47), 2017).

Николая Гавриловича Головцына, имя и фамилия которого стали отчеством и фамилией Василия, он называл «приемным отцом». Мать не от хорошей жизни прилепилась к этому бедолаге, «кажется», в 1907 году. Точнее Василий не помнил. Николай Гаврилович действительно был бедолагой, как толстовский Поликушка. Сын кузнеца и прачки, он был воспитан тетей-учительницей. Она помогла ему закончить уездное училище и лесную школу. После учебы он устроился на хорошую работу сначала чертежником, потом топографом. Неплохо, но началась русско-японская война, на которой он был контужен и стал «не вполне умственно нормальным». «Он был умалишенным непродолжительное время, – с сочувствием об отце вспоминал Василий Николаевич, – дней 5–6 в месяц, а остальное время почти нормальный человек». Контузия контузией, но надо было на что-то жить, и отец работал не только пастухом, но и на небольших канцелярских должностях, в основном помощником писаря в волостном управлении, секретаря волысполкома, лесничего.

Были в семье еще сестра и младший брат. Сестра потерялась в Гражданскую войну, уехав в 1918 году с военным отрядом то ли в Фергану, то ли в Семипалатинскую область. Брат, член ВКП (б), пригодился там, где родился, – в Острецове, где он заведовал отделением связи, работал нотариусом и секретарем суда.

Бедность, а точнее, нищета, очень рано заставила мальчика пойти в люди. В апреле 1914 года, едва сошел снег, он стал пастухом. Летом пас скотину, зимой учился. «Читать и писать я научился в 5 лет от своей матери и приемного отца, – написал он в одной из автобиографий. – После окончания пастушьего сезона, т. е. в 1915 г., пошел учиться в Трифионовскую церковно-приходскую школу и выдержал испытания во 2-й класс, а после окончания пастушьего в 1916 г. закончил эту школу с похвальным листом и наградой – «Евангелием» за отличную учебу. Будучи пастухом, я имел возможность читать книги; особенно увлекался географией и арифметикой. Так, что эти годы я несколько продвинул свои знания по сравнению с теми, что получил в... школе». Позже это фанатичное самообразование помогло ему успешно выдержать экзамены при поступлении на рабфак.

Особенно тяжелыми для него, 13-летнего мальчишки, стали осень и зима 1918–1919 года, настолько тяжелыми, что он вынужден был просить милостыню, пока не продан в батраки. Батрачил он три года. Учебу пришлось прекратить, лишь бы выжить, но помыслы об учебе лелеял, понимая, что она его единственный шанс выйти в люди. Но продолжить учебу можно было, только обретя самостоятельность. И первым шагом к ней стало его поступление в ученики плотника к частному подрядчику. Получив первую профессию, он три года плотничал у частников и в артелях по всему Верхнему Поволжью.

Только в 1925 году он смог продолжить учебу, и произошло это отчасти благодаря тому, что был он социально активен и увлечен коммунистическими идеями. Еще в 1923 году у себя на родине он организовал ячейку комсомола, был ее секретарем, членом бюро, редактором стенгазеты; там же на родине вступил кандидатом в члены ВКП (б), и поэтому Сретенский волысполком с дорогой душой дал Василию командировку на рабфак. Пока не начались занятия, Головцын торопился нагулять «жирок», чтобы было на что жить. Работал он в то лето много: грузчиком дров на волжских пристанях, приемщиком льна на льнообделочном заводе, рабочим по окраске сыра в Костромском отделении треста «Сырсоюз». Теперь работа, какой бы тяжелой она ни была, приобрела для него другое значение. Теперь он жил не только для того, чтобы выжить физически.

Три года рабфака пролетели невиданно. Учился он самозабвенно, работал, чтобы прокормить себя, уже не батраком и не плотником, а секретарем Правления Губсельбанка и в 1926 г. выкроил время, чтобы навестить родителей. В апреле этого же года его приняли в члены ВКП (б). Среди рабфакцев он был одним из самых активных: руководил шефским обществом и кружком безбожников в школе-коммуне, состоял сначала членом бюро ячейки ВЛКСМ, а затем ВКП (б), редактировал рукописную газету и журнал, но главным его делом была учеба.

Чем больше он учился, тем сильнее становилась его тяга к знаниям. На втором курсе института он самостоятельно изучил ряд предметов за третий курс. И Соболевский «выдвинул его в качестве выдвигенца на научную работу по геофизической специальности», а точнее, по электрометрии. В то время на Урале не было квалифицированных электроразведчиков, поэтому Головцын был командирован в Ленинградский горный институт (ЛГИ) к виднейшему теоретику в области электрометрии профессору А. А. Петровскому (1873–1942). Дважды по три месяца в 1931 и 1932 годах он под его руководством изучал сложные разделы теории электрического поля.

Научно-педагогический принцип своего учителя Соболевского – учи, учи, и не отрывайся от живой природы – Головцын стал постигать еще студентом: в 1929 году он участвовал в комплексных магнитоэлектроразведочных работах Гумбейской геофизической партии на месторождении вольфрамитов; на следующий год ему доверили быть помощником начальника Алапаевской геофизической экспедиции; в 1931 году он работал наблюдателем в Уральской опытной геофизической партии ЦНИГРИ, занимавшейся в районе Лёвихи изучением возможностей электрометрии по обнаружению глубокозалегающих колчеданных месторождений; летом 1932 года его назначили начальником экспедиции, которая проводила исследования по поискам месторождений хромитов в Полтавском и колчеданных месторождений в Красноуральском районах. С 1929 году, когда Петр Константинович занялся организацией на базе своей лаборатории Геофизического института, Головцын стал его помощником. Соболевский доверил ему не только заведование сектором электрометрии, но и исполнение обязанностей директора. Учась и работая, Головцын еще и учил, читая курс лекций по электрометрии в родном вузе и проводя занятия по высшей математике в геологоразведочном техникуме.

Институт Головцын закончил с отличием 16 апреля 1932 года. За ударную учебу его наградили значком ударника и денежной премией и вместе с однокурсниками Ш. А. Окроперидзе, П. Н. Меньшиковым (1903–1978) и А. А. Сержантом командировали в распоряжение УралНИИ геофизических методов разведки и горной геометрии. Но поработать там ему не пришлось. В это время началась организация Уральского филиала Академии наук (УФАН). Дефицит научных кадров был тогда острейшим. Где их можно было взять для академических институтов? Только у кого-то отобрать. Уралобком ВКП (б) так и поступил. 26 июня 1932 года решением его Секретариата Головцын был передан как вещь в УФАН. Руководство УралНИИ долго сопротивлялось и сдалось лишь в начале декабря. Тогда постановлением обкома партии Головцын зачислили в ускоренную аспирантуру и командировали в Ленинград, в Академию наук.

В аспирантуре он учился в Сейсмологическом институте и «к 1 июня 1934 г. закончил прохождение программы... по специальности «Электрические методы разведки». Через год «в точно намеченный АН срок» Василий Николаевич защитил диссертацию в комиссии при Совете Ленинградского горного института. Она называлась «О возможности применения электрических методов к изучению карстовых явлений» и была частью договорной работы с трестом «Кизелуголь». Семидесятисемистраничная диссертация была оценена как пионерская. Ее рецензентами (оппонентами) были профессор А. А. Петровский и действительный член ЦНИГРИ профессор И. И. Горский (1893–1975), директор Ломоносовского института, будущий академик АН СССР Д. И. Щербаков (1893–1966), доцент кафедры электроразведки ЛГИ Р. Н. Скарятин (1904–1937) и профессор М. И. Сумгин (1873–1942) – земляк и одноклассник А. А. Петровского, один из основоположников мерзлотоведения, именем которого в 1974 году был назван кратер на Марсе.

Диссертацию Головцын защитил в мае 1935 года, а степень кандидата технических наук ВАК ему присвоил только в начале февраля 1938 года. Еще дольше он ждал утверждения в должности заведующего кафедрой, с июня 1934 по май 1939 года.

Вернувшись из Ленинграда, Головцын стал работать не в УФАНе, поскольку организация академического геофизического

института была отложена на неопределенное время. Институт геофизики был создан только в 1958 году. Но в УФАНе ему все же пришлось поработать, правда, в качестве совместителя, когда он в 1939 году возглавил геофизический сектор в Горно-геологическом институте. Место же работы он получил на родной кафедре геофизических методов разведки, куда его приняли в качестве доцента, заведующего и руководителя лаборатории общей геофизики и где он начал читать лекции по спецкурсу электричества, по электроразведке на постоянном токе, по магниторазведке (после П. А. Королькова), по геофизическим методам разведки для студентов всех геологических специальностей и по общей геофизике для студентов Уралуниверситета.

Его научно-педагогическое, административное и общественно-политическое положение с каждым годом становилось все прочнее и прочнее. Этому способствовали и он сам своей деятельностью, и его происхождение, поскольку он – пастих, батрак, плотник, рабфаковец, ученый – был ярким символом пролетаризации советской высшей школы, хотя коллеги над этим втихомолку иронизировали и посмеивались.

Дважды Головцын был деканом геологоразведочного факультета: с декабря 1937 по февраль 1939 года и около пяти месяцев – с апреля по август – в 1944 году. Первый раз в 1939 году он попросил освободить себя от деканских обязанностей, чтобы закончить работу над докторской диссертацией, и его просьба была удовлетворена. В 1944 году его освободили от обязанностей декана в виде наказания за то, что он решил участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности профессора в Азербайджанском индустриальном институте. Директор института Д. Н. Оглоблин (1905–1968) воспротивился этому. Он не захотел «отдать» профессора и ослабить кафедру, с которой уже был откомандирован по распоряжению ГУУЗа Наркомугля профессор Юньков в Днепрпетровский горный институт.

Тезисы о том, что Урал – это «величайший центр социалистической стройки», а «геофизические методы нужны всему Союзу», были не афористическими декларациями. Свидетельство тому служили тематика и география договорных работ, которыми руководил Головцын, «держа тесную связь с промышленностью» и с научно-исследовательскими институтами. В 1934 году руководимая им Иркутская комплексная геофизическая партия по заданию УралНИГРИ проводила поисковые и разведочные работы на Кондаковском месторождении мусковита в Красноярском крае. На следующий год, выполняя для Уралгеомина работы по поиску нефтяных структур в долине Камы, он установил три перспективные структуры: Нытвенскую, Осинскую и Еловскую. В 1936 году им был завершён тоже для Уралгеомина аналитический обзор результатов электроразведочных работ на сульфидных месторождениях Урала, а для Горнотехтреста изучены возможности электроразведки для поисков мраморов на Прохоро-Баландинском месторождении под Челябинском. По договору с трестом Уралредметразведка руководимая им партия открыла несколько кварцевых жил на Кацбахском гранитном массиве. В трагичном 1937 году под руководством Головцына были осуществлены геофизические работы на Слюдянском месторождении на Байкале.

«Живая природа», по образному выражению Соболевского, очень хорошо учила Головцына, а он, в свою очередь, неплохо учил студентов.

Результатом учебы и учебы очень быстрой самого Головцына стала 145-страничная докторская диссертация «Применение электроразведки к поискам медно-колчеданных залежей в сланцевой полосе Урала», которую он защитил на заседании Ученого Совета Свердловского горного института 23 октября 1940 г. Оппоненты А. И. Заборовский (1894–1976), А. А. Петровский и Л. Д. Шевяков (1889–1963) были строги, но работу оценили высоко. По мнению А. А. Петровского, «Диссертация В. Н. Головцына является, по видимому, первой докторской диссертацией, которая ставится на защиту по тому новому и чрезвычайно важному для практики разделу точных знаний, который именуется... электроразведкой. Тем приятнее видеть, что автор... сумел правильно оценить те требования, которые должны быть предъявлены к такой работе

А. А. Юньков

и найти оригинальные пути для решения поставленной им проблемы... Эта работа не только разрешает некоторые важные теоретические и практические вопросы постановки электроразведки в условиях рудника, но вообще совершенно по новому ставит вопрос о разведке в уральских условиях, синтезируя и обобщая все предшествующие изыскания. Поэтому ...» все оппоненты высказались за присвоение соискателю докторской степени. На этот раз ВАК утвердил результаты защиты через два с небольшим месяца, 1 февраля 1941 года. А 10 февраля многотиражная газета «Горняк» опубликовала об этом заметку, сославшись на слова Шевякова, вернувшегося из Москвы с сессии АН СССР.

Средний и Южный Урал является классической колчеданосной провинцией, и Головцын в своей докторской диссертацией сформулировал фундаментальную проблему ее изучения геофизическими методами, научная и практическая значимость которой остается актуальной до сих пор.

Результатами же обучения студентов стали учебники Головцына. В конце июня 1938 года Главная редакция горно-топливной и геологоразведочной литературы обратилась к нему с предложением «принять участие в составлении учебников по курсам «Электроразведка» и «Магниторазведка». Он ответил согласием. Более того, он загодя был готов к этой работе, поскольку еще в декабре 1937 года подробно обсуждал с Заборовским содержание обоих учебников и обязался написать для них «ряд глав», оставив общее редактирование за более опытным соавтором. По неизвестной причине учебники тогда написаны не были. Но заявку о себе как о педагоге он сделал неплохо. В середине ноября 1938 года кафедра геофизики, рассмотрев рукопись его учебного пособия «Электроразведка постоянным током», рекомендовала передать ее на рецензию Заборовскому, а затем подготовить к изданию. Издание книги затянулось, и вышла она из печати в двух частях под названием «Курс электроразведки» соответственно в 1947 и 1948 годах. Для уральской геофизики это стало таким же событием, как и защита им докторской диссертации.

В Советском Союзе социальная значимость человека и благополучие в немалой степени зависели от его роли в общественной-политической жизни. Головцын был всегда и везде социально активен. Поэтому его избирали в самые разные органы и комиссии: институтские, городские и областные. Он был членом месткома научных работников и секретарем окружной избирательной комиссии по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР, ответственным секретарем редсовета «Трудов СГИ» и действительным членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Дважды он избирался депутатом Горсовета, исполняя в нем обязанности руководителя секции по благоустройству города и председателя

А. А. Петровский

постоянной строительной комиссии. Поэтому, видимо, и жил он не в профессорском корпусе во Втузгородке, а в элитном доме № 29-а на проспекте Ленина. Его ценили в партийных органах, поручая делать доклады по важнейшим политическим вопросам, а однажды даже защитили. Вот по какому поводу это произошло.

В начале января 1935 года Горком ВКП (б) вынес Головцыну «выговор за ревизию решения горкома и примиренческое отношение к Гребенёву (К. В. Гребенёв заведовал кафедрой общественных наук в СГИ. – В. Ф.), исключенному из ВКП (б) за троцкизм». Ленинский райком партии и партком СГИ вступились за Головцына, возбудив ходатайство перед Горкомом, в котором, по его мнению, «сидели враги народа», о снятии партвзыскания. И добились

своего. Партвзыскание с Василия Николаевича было снято.

Охота к перемене вуза не оставляла Головцына. В феврале 1946 года он обратился с ходатайством в Управление кадров Министерства образования о переводе на этот раз в Киевский университет «в связи со сложившимися семейными обстоятельствами». Василий Николаевич, кстати, был дважды женат: первый раз на студентке рабфака Уралуниверситета Агафине Ульяновне, второй – на преподавательнице английского языка Харитине Исидоровне. Управление кадров посчитало «целесообразным удовлетворить просьбу», но прежде решило узнать об этом мнении директора СГИ Оглоблина и ректора университета В. Г. Бондарчук (1905–1993). Оглоблин опять воспротивился, несмотря на то, что Бондарчук, поддерживаемый Управлением кадров, дважды подавал ходатайство. В июле 1948 года Головцыну отказано было в переводе еще раз. Но Бондарчук не отступал, и чтобы Головцын не передумал, пообещал выдвинуть его в члены-корреспонденты Академии наук УССР. На этот раз эту инициативу перевода поддержали Ученый Совет СГИ и руководство Союзного Уральского Геофизического Треста, управляющим которого был однокурсник Головцына Меньшиков.

Итак, упрямый Бондарчук победил. 30 сентября заместитель министра А. В. Топчиев (1907–1962) разрешил Головцыну перейти на работу в университет на должность заведующего кафедрой геофизики, несмотря на попытку директора СГИ Н. Н. Толокнова (1909–1989) добиться отмены приказа. Толокнов был недоволен упрямством Головцына, и когда Геологический институт АН УССР запросил его характеристику в связи выборами в академию, то Николай Николаевич распорядился подчеркнуть в ней отрицательные качества Василия Николаевича: поспешность в выводах и обобщениях, отсутствие скромности, склонность к самовосхвалению, заинтересованность в личном благополучии, отрицание возможности планирования научных работ, беспринципность «при критике отсталых настроений... части научных работников». Возможно, эта характеристика и повлияла на избрание Головцына в члены украинской академии.

Двадцать лет Головцын проработал в Киеве: тринадцать лет заведовал кафедрой, руководя одновременно университетской астрономической обсерваторией и возглавляя лабораторию структурной геологии в Геологическом институте; в 1961 году он перешел в только что созданный Институт геофизики, в котором

А. А. Петровский (третий справа стоит) с уральскими геофизиками, первый справа сидит В. Н. Головцын, четвёртый справа стоит А. А. Юньков

руководил сектором электротриемрии и комплексной геофизической обсерваторией; в 1968 году вернулся в университет и в этом же году 25 октября умер.

Перед отъездом Головцына в Киев сотрудники кафедры сфотографировались на память со своим теперь уже бывшим заведующим. Среди них из выпускников кафедры первого поколения справа от него, маленького, щуплого, рано полысевшего, смотревшего через очки-колесики, одетого в шитую золотом форму горного директора, сидели только А. Я. Ярош, Н. А. Иванов, да Г. П. Саковцев. Слева от него и за его спиной сидели и стояли с супругами высокие и стройные выпускники 1943, 1944 и 1945 годов. Это было будущее кафедры: К. Н. Ансимов (1920–1979), Г. И. Принкевич (1918–2005), Л. И. Пискунов (1922–2000), А. Б. Поляков (1919–2002), Б. И. Страхов, Е. К. Микшевич (1921–1998).

За эти годы Василий Николаевич только однажды приезжал в СГИ в 1967 году на пятидесятилетний юбилей *alma mater*. Может быть, поэтому сейчас о нем мало кто и что помнит. Профессор А. А. Редозубов, учившийся у Головцына, рассказывал мне, что во время пятиминутного перерыва в лекции Василий Николаевич, выходя из аудитории, доставал кисет с махоркой и говорил: «Это дело надо перекурить» и сворачивал самокрутку. Его обступали студенты, тянулись к кисету, чтобы попробовать профессорский табачок, закуривали и начиналась беседа про жизнь и про геофизику. Вот он, аромат истории.

Однокурсник Головцына Аким Арсентьевич Юньков по времени рождения 7 сентября 1902 года – Дева. Но в его характере было мало черт, присущих людям, рожденным под этим знаком Зодиака. Ученик Юнькова, член-корреспондент НАН Украины К. Ф. Тяпкин так коротко и выразительно сказал о нем: «Он был орел».

Родина Юнькова – рязанское село Ново-Романово; родители – крестьяне, небогатые, но вполне самостоятельные, имевшие дом, лошадь, корову, овец и девять детей: трех парней и шестерых девочек. Пока жив был отец, а умер он в 1916 году, Аким работал с ним. Потом вынужден был батрачить в имении князя Волконского и у местных зажиточных крестьян. В 1919 году жизнь впервые испустила его выбором, и хотя он окончил только начальную школу и был юн годами, все же отважился стать председателем сельсовета и проработал главой администрации в Ново-Романове до апреля 1923 года. Потом почти год до призыва в армию крестьянствовал на своем наделе. С этого времени он уже больше не держал в руках ни плуг, ни конскую упряжь, ни косу. Рязанская нива навсегда лишилась одного из своих хлебопашцев. К 1930 году, когда умерла мать, социально-политическая эрозия разрушила большую крестьянскую семью Юньковых: две сестры переехали в Москву, еще одна устроилась прислугой в Ленинграде, один из братьев остался в армии, другой уехал на Урал на Богословские угольные копи, только три сестры стали колхозницами в родном селе.

Военную службу Аким проходил в Костроме, в телеграфной роте полка связи. Был он собран, деятелен, активен, организовывал в роте ячейку МОПР. Командование его заметило, а заметив, отметило, назначив командиром отделения, а после демобилизации направило учиться на рабфак. Но зуд общественной деятельности был так силен, что «проведа полгода на рабфаке, – вспоминал Юньков, – я ушел на работу по организации комсомола в сельских местностях», а точнее, в Ново-Романове. Отсюда он перебрался в Москву, где работал чернорабочим в Лефортове, занимаясь одновременно кооперированием рабочих. В это время он был уже кандидатом в члены ВКП (б), а членом партии стал в 1928 году. Узнав о том, что он бросил рабфак, местная парторганизация вернула его в Кострому за рабфаковскую парту.

В Свердловске начинал он учиться с Головцыным в одном вузе, а закончил другой – Уральский геологоразведочный. В день окончания института 16 апреля его зачислили в аспирантуру. Одаренного студента Соболевский привлек к научно-исследовательской и преподавательской работе еще в 1930 году. По воспоминаниям К. Е. Кожевникова (1896–1981), работавшего в это время заместителем председателя НТО Уралгеомина, Юньков, будучи студентом, выполнял «ответственную работу с разведочной партией на Южном Урале. В 1931 г. ... он возглавляет геофи-

П. К. Соболевский (в центре) со студентами-геофизиками, первая слева Н. Г. Орлова, первый справа А. А. Юньков

зическую и горно-геометрическую экспедицию Уральского геофизического института, эта экспедиция проделала громадную работу по изучению перспектив, запасов и качества Бакальского железорудного бассейна, где Юньков обнаружил большие знания методики применения геофизических способов разведки, сумев сочетать теорию с практикой. Когда к 1932 году обнаружилось неудачное... применение гравиметрии со стороны ряда специалистов, молодому инженеру... было поручено дать... исчерпывающий ответ на эту тему... Со свойственным ему упорством и настойчивостью (он. – В. Ф.) взялся за решение вопроса... Вопреки ранее существовавшим взглядам..., доказал возможность использования ... гравиметрического метода... для поисков хромитового железняка... на примере месторождения Верблюжьих гор Полтавского района». Запасы руды, определенные Юньковым на семи рудных участках по данным гравиметрии, всего на 10 % отличались от запасов, установленных путем обмеров в горных выработках. Феноменальный результат! За это достижение «треугольник» гравиметрической партии, руководимой Юньковым, премировал его «за высокие производственные показатели в работе 500 р.».

В 30-е годы Юньков, как и его однокурсники, был и швец, и жнец, и на дуде игрец, выполнял много обязанностей и состоял на службе не в одном учреждении. Особенно трудным для него стал 1932 год, когда он, еще участь и работая в Геофизическом институте, читал общий курс гравиметрии, руководил вместе с однокурсниками Меньшиковым, В. Ф. Емковым и Окроперидзе учебной практикой по гравиметрии, заведовал лабораторией и кабинетом гравиметрии, а за три дня до защиты дипломного проекта принимал по просьбе заведующего геофизической специальностью М. И. Анчугова зачет по сейсморазведке вместо неожиданно уехавшего в Ленинград Н. В. Райко.

При такой нагрузке шансов вовремя закончить аспирантуру и защитить диссертацию было немного. Но помог случай. Юнькова, как и Головцына, секретариат Уралобкома ВКП (б) постановил командировать в целевую краткосрочную аспирантуру.

В аспирантуре он, как и Головцын, учился в Сейсмологическом институте. Тему диссертации ему, вероятно, сформулировал Соболевский. Она была посвящена вопросу совершенствования конструкции вариометра Этвеша. Этот прибор и тогда и в более позднее время был основным при проведении гравиметрических исследований. Поэтому от точности его работы в значительной мере зависела геологическая эффективность гравиметрических измерений. В этом Юньков убедился, решая хромитовую проблему. Ею он занимался, участь в аспирантуре, и она же помешала ему вовремя защитить диссертацию. Аспирантуру

Южный Урал. Гумбейка: второй справа П. К. Соболевский, третий справа А. А. Юньков

он закончил 1 июня 1934 года, а защита состоялась только весной 1936 года. Оппонировали работу директор Сейсмологического института П. М. Никифоров (1884–1944) и его сотрудники С. Г. Михлин (1908–1990), крупный специалист в области математической физики, и будущий академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, директор Института физики Земли М. А. Садовский (1904–1994). Президиум Академии наук утвердил результаты защиты очень быстро – 15 мая.

После окончания аспирантуры Юньков, направленный в УралНИГРИ, стал заниматься поисками месторождений хромита в Алапаевском районе, заведовать по совместительству кабинетом гравиметрии в Уралгеомине и работать доцентом на кафедре геофизики в СГИ, в который он окончательно перешел в 1936 году.

В мае трагичного 1937 года его дальновидно назначили заместителем директора СГИ по научно-учебной работе. Администратор он был превосходный: умный, инициативный, требовательный и самостоятельный. Все директора, с которыми он работал семь лет, очень его ценили. Чтобы повысить административный авторитет своего заместителя, они более десяти раз направляли в ВАК документы об утверждении его в звании доцента, несмотря на мотивированные отказы Москвы. В 1939 и в 1942 годах он по несколько месяцев замещал директора института. По мнению Н. С. Завьялова, Юньков всегда показывал «образцы большевистского отношения к... обязанностям. Показателем этого является то, что СГИ по целому ряду элементов учебной и научной работы стоит в числе передовых ВТУЗов» Наркомтяжпрома и Наркомтопа.

«Большевистски образцовыми» были и его партийные характеристики, в которых он аттестовался «наиболее активным членом партии, идеологически и политически выдержанным, устойчивым и дисциплинированным, последовательно защищавшим генеральную линию партии, передовиком науки, борцом за выполнение указаний т. Сталина «О передовой науке», доказавшим на деле борьбу за эту науку». И все же в марте 1937 года ему пришлось пригубить из горькой чаши недоверия. В конце октября 1936 года был арестован его однокурсник, начальник геофизического сектора Уральского геологоразведочного треста Аркадий Антонович Сержант, которого ранее Юньков рекомендовал «в группу сочувствующих ВКП (б)». Это было расценено как «притупление классовой бдительности» и стоило Юнькову выговора, который ему долго припоминали, но, к счастью, без последствий. А. А. Сержант, отсидев семь лет в Ухтпечлаге и в Ухтижемлаге, на Урал не вернулся.

Летом 1937 года «передовик науки» Юньков опубликовал в Свердловском отделении ОНТИ монографию «Поиски хромистого железняка методом гравиметрии», в которой критически оценил неудачные результаты работ предшественников, среди которых были московские и ленинградские гравиметристы Б. А. Андреев (1910–1969), Д. Г. Успенский (1904–1977), М. С. Закашанский и другие, обобщил свой семилетний опыт, продемонстрировав практическую сметку и неплохой теоретический

уровень владения методами анализа аномалий гравитационного поля. Эта книга сделала его одним из авторитетнейших гравиметристов страны. Поэтому в 1939 году он был утвержден Главным управлением учебных заведений Наркомтопа рецензентом учебника для вузов «Курс гравитационной разведки».

Мнением Юнькова очень дорожили и в геологоразведочных организациях, приглашавших его для консультаций не только в связи с поисками месторождений хромитов, но и нефти. В августе 1938 года начальник геофизического цеха геолого-поисковой конторы треста «Башнефть» Н. Л. Гуцин умолял его приехать: «В течение зимы 1937/38 г. я неоднократно просил Вас летом 1938 г. посетить наши гравиметрические партии и... дать указания и заключения по работам». Аким Арсентьевич уважил эту настойчивую просьбу и почти месяц ездил по районам Башкирии, в которых работали гравиметрические партии треста. В этом же году он завершил с великолепным результатом большую работу в Казахстане на Ак-Каргинском и Донском месторождениях хромитов, приведшую к открытию нескольких крупных рудных тел.

Выдающиеся результаты решения хромитовой проблемы, которой он занимался и в годы Великой Отечественной войны, им были обобщены в докторской диссертации «Применение гравиметрического метода к поискам и разведке хромистого железняка», защищенной в Совете СГИ 5 ноября 1943 года. Все оппоненты: академик Шевяков и три профессора – физик С. Д. Герцрикен (1901–1961), геофизик Головцын и геолог А. Е. Малахов (1899–1989) – были единодушны в ее высокой оценке.

Диссертационная работа Юнькова получила всесоюзную известность. В октябре 1944 года газета «Уральский рабочий» со ссылкой на ТАСС перепечатала заметку «Новый метод разведки хромистого железняка», в которой говорилось, что «Высшая аттестационная комиссия Комитета по делам высшей школы... присудила степень доктора... наук доценту Свердловского горного института... Юнькову (который. – В. Ф.) впервые разрешил важнейшие теоретические и производственные вопросы разведки месторождений хромистого железняка; рекомендуемый геологом-новатором... гравитационный метод, основанный на законе всемирного тяготения, на практике полностью себя оправдал», поскольку «значительно ускоряет выявление залежей хромистого железняка».

Вопросами поисков месторождений углеводородов Юньков эпизодически начал заниматься с 1936 года, хотя Соболевского они заинтересовали еще в 1932 году, когда сотрудники кафедры геофизики произвели измерения силы тяжести маятниковыми приборами в окрестностях Оренбурга, Верхнеуральска, Челябинска и Кунгура. Но только спустя десять лет эти вопросы приобрели государственное значение, когда в топливной промышленности страны сложилось критическое положение.

В июле 1942 года Государственный Комитет Обороны постановил расширить поисковые работы на углеводородное сырье и уголь. В связи с этим по распоряжению Свердловского обкома

Сотрудники кафедры геофизики СГИ. 1948 г. В центре сидит заведующий кафедрой В. Н. Головцын

ВКП (б) в СГИ была организована геофизическая партия для поисков месторождений нефти в Красноуфимском и Манчжунском районах. Ее научным руководителем назначили Юнькова. Партия работала круглогодично и в тяжелейших условиях. Научный руководитель ежемесячно лично контролировал ее работу. Такой драматичной была ситуация с топливом. Месторождений нефти найти не удалось. И до сих пор перспективность обнаружения месторождений углеводородов в юго-западных районах Свердловской области остается призрачной.

В августе 1944 года Юньков сдал коменданту Втузгородка свою квартиру № 94 во втором профессорском корпусе, полу-

чил последнюю зарплату в 1400 рублей, упаковал вещи и уехал в Днепропетровск, взяв с собой своих учеников А. А. Непомнящих (1910–1993) и Н. Л. Афанасьева (1919–1988). Там в горном институте он создал кафедру геофизики, школу гравиметристов, стал лауреатом Государственной премии УССР, удостоился орденов Ленина и «Знак Почета», подготовил 42 кандидата и семь докторов наук. Если присовокупить сюда 85 кандидатов и пять докторов наук, подготовленных Головцыным, то можно смело утверждать, что украинская геофизика в значительной мере создана двумя уральцами – Акимом Арсентьевичем Юньковым и Василием Николаевичем Головцыным.

Владимир Викторович Филатов

filatov47@bk.ru

Владимирский государственный университет
Россия, Владимир, ул. Горького, 87